

ПРОКЛЯТЬЕ
Д Ж Е К Г Е Л Ь Б
ЖЕВОДАНА

**LIKE
BOOK**

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г32

Художественное оформление *А. Андреева*

Иллюстрация на переплете ALES

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:
© Zvereva Yana, luChi / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Гельб, Джек.

Г32 Проклятье Жеводана / Джек Гельб. — Москва : Эксмо, 2023. — 336 с.

ISBN 978-5-04-174460-1

Этьен Готье думал, что его пылливый ум и слабое тело предназначены для величайших открытий.

Этьен Готье пережил плен и остался целым, когда его чуть не разорвала гиена в Алжире.

Этьен Готье построил госпиталь для всех страждущих, чтобы те получили необходимую помощь.

Этьен Готье потерял свою любовь.

Этьен Готье выпустил Зверя из Жеводана.

Зверь из Жеводана, проклятый своим создателем, убил многих невинных.

Зверь из Жеводана не успокоится, пока не отомстит роду людскому за то, что он существует.

Сможет ли Этьен укротить свое создание или пасть ему очередной жертвой в когтях чудовища?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

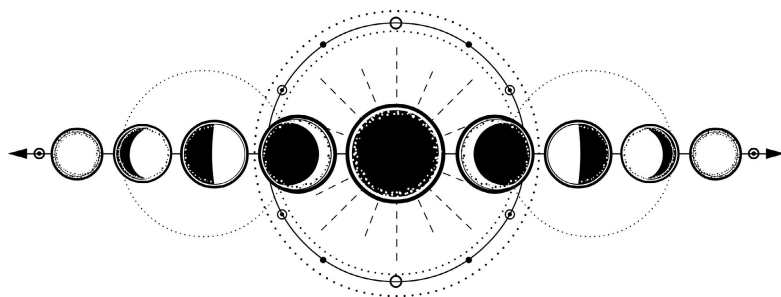
© Джек Гельб, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-174460-1

Зверь есть зверь.

ЧАСТЬ 1. NIGREDO¹

---

¹ С латинского буквально «чернота». Алхимический термин, обозначающий полное разложение. Является первым этапом создания философского камня. (*Прим. ред.*)

ГЛАВА 1. 1

1751 г.

Близ алжирского порта.

Корабль несли лазурные волны, а наполненные тугие паруса охотно расправили свои тела, подставляя себя ослепительным лучам. У нас другое солнце, и мои северные глаза не были готовы к такой щедрости — они щурились от избытка света. Стоя у самого борта, вглядываясь в белеющий вдалеке берег, я вспоминал рассказы о своих предках, которые когда-то давно бесстрашно пересекали океан, покоряя Новый Свет. Эта жажда, эта погоня за горизонтом текла в моих жилах. Оттого моя кровь закипала сейчас, как закипала два века назад у моих праотцов.

По мере того как корабль продолжал свой ход, от скалы будто бы отделился крутой утес. Наверху росла роща кипарисов, укрывая своей тенью побережье дикой бухты. Та враждебно скалилась крутыми камнями, по которым прыгали и горланили крупные вороны. Птицы выискивали, чем поживиться, пожирая падаль, выброшенную морем.

В нетерпении я рвался углядеть больше, чем мне дано видеть от природы, до боли напрягая глаза.

Город уже стал различим и рассыпался множеством белых домиков с плоскими крышами. Моей радости не было

предела, что казалось в общем-то не очень приличным и не сочеталось с моим траурным облачением.

Я распустил шнуровку на груди своей рубахи из черного льна, а европейские кальсоны заменил столь расхожими на юге широкими шароварами.

На ноги я надевал мягкие бархатные башмаки, чтобы пройтись, как сейчас, по палубе.

Меня распирала радость от скорого прибытия в чарующий Алжир, и я поспешил спуститься с палубы в каюту.

Мой отец, граф Оноре Готье, сидел с капитаном ипил горький кофе. Они сразу подняли взор. Их разительная непохожесть друг на друга даже заставила улыбнуться. Еще с первого дня мне понравился наш капитан — бронзовый от загара здоровяк с космами жестких усов и бакенбард. В целом капитан был действительно красивым и славным мужчиной, хоть его лицо уже получило отметины в виде темных пятен на лице. За все наше знакомство мне не давали покоя эти пятна, однако воспитание и приличия все же брали верх: пришлось удержаться от подробных расспросов о природе их происхождения. Подобная осторожность позволила мне сделаться его хорошим другом. Сейчас лицо капитана, отмеченное столь причудливо, не теряло своего добродушия, и он приветственно взмахнул рукой.

— Скоро уже прибудем, — торжественно произнес капитан, совершенно верно угадывая причину моего визита.

В ответ я радостно улыбнулся и кивнул, будто без моего заверения сейчас было никак не обойтись. Едва я перевел взгляд на отца, то сразу заметил, что он, в отличие от капитана, выглядел довольно изможденным и отнюдь не таким бодрым. Мое воодушевление скорым прибытием несколько остыло, когда я увидел настрой отца. Он напоминал настоящего проповедника. Блуза из темного льна была застегнута наглухо у самого горла, удушливо обхвативши его шею.

Волосы у него, как и у меня, как и у всех Готье, о которых мне довелось знать, были настолько светлы, что не было

приметно даже прядей седины, которые уже проступили к его сорока трем годам. Он собирал волосы на затылке в низкий хвост и туго схватывал их бархатной лентой. Наша северная бледная кожа еще до высадки в Алжире перенесла солнечные ожоги. По зеленым глазам я быстро догадался — он в дороге так и не смог толком отдохнуть. Тяжелый взгляд опустился к часам, которые лежали между ним и капитаном. Излюбленная памятная вещь была настолько дорога отцовскому сердцу, что он носил их, несмотря на крупную трещину посередине стекла.

— Ты не спал все это время? — спросил я.

— Выплюсь во дворце месье Шафака. Сходи пока, проведай кузена. Если он не спит, выходите на палубу, — сказал мне отец.

Он закрыл крышку часов и провел рукой по лицу. Коротким кивком я распрощался с ними и поспешил к каюте своего двоюродного брата.

* * *

Моя рука уже занеслась, чтобы постучать, но, видно, порыв ветра заставил корабль качнуться, и дверь сама приотворилась.

Я вошел легко и тихо — мягкая восточная обувь позволяла мне ступать бесшумно, как кошкам, — ни одна доска не скрипнула подо мной. Мой кузен Франсуа крепко спал в гамаке, который покачивался с тихим тугим скрипом.

Франсуа был старше меня на два года — ему было восемнадцать лет. Я уже видел, как кузен спит, свернувшись, будто бы прижимая к сердцу какую-то ценность, которую у него непременно должен кто-то отнять. Темные брови нахмурились. На корабле было довольно душно, так что ничего удивительного в том, что кузен спал с голым торсом, не было. Я даже мог заметить, как там, под кожей, перекачиваются мускулы.

Каждый раз, когда я вижу людей, хорошо сложенных, на ум приходят воспоминания о посещениях анатомических

театров. Среди таких же отчаянных маргиналов мира науки я видел достаточно свежих. Холодные тела вскрывали прямо на наших глазах, демонстрируя истинное нутро человеческой природы. Возвращаясь с тайных отлучек домой, в поместье, я рисовал по памяти увиденное, чем лучше закреплял эти образы. Теперь мое воображение в точности изображало все то, что скрыто под кожей.

Пока я стоял, скрестив руки на груди и предаваясь раздумьям — будить его или оставить в покое, кузен сам дернулся во сне и бросил на меня быстрый, еще совсем неосознанный взгляд.

— А, Этьен, это ты... — пробормотал Франсуа, потягиваясь и садясь в гамаке, и, чуть коснувшись ногами пола, слегка-слегка покачивался, потирая глаза и ероша свои каштановые кудри.

Подняв на меня зеленые глаза, он последний раз зевнул и мотнул головой.

— Сколько времени? — спросил Франсуа.

Я порядком успел заскучать за плавание. Беспощадно одинаковый горизонт, к какому борту ни подойди, довольно скверно сказался на мне и на восприятии того самого времени, о котором справлялся кузен.

Не будь он таким сонным и потерянным после недавнего пробуждения: кто знает? Быть может, я бы и задался вопросом о ходе времени, о том, как его восприятие смещается. Однако все же я отдавал себе отчет о состоянии своего спутника и понимал, что за такую тираду, которая у меня уже давно бьется запертым зверем, я в лучшем случае просто потеряю собеседника. Так что я попросту усмехнулся и пожал плечами.

— Город уже виден с корабля, — радостно сообщил я, обойдя сам вопрос, но не его суть.

Кузен резко перевел на меня взгляд, и его глаза широко раскрылись.

— Да? — оживился он и вновь сел в гамаке.

Я закивал, и Франсуа, встав на ноги, быстро накиннул рубашку на шнуровке, распущенную, как и у меня.

Корабль уже миновал приглянувшийся мне дикий утес и уверенно шел к порту.

— Как граф Готье? — спросил Франсуа, опираясь о борт, заглядываясь на светлеющий вдалеке город.

Я пожал плечами.

— С каких пор ты так называешь родного дядю? — спросил я.

Франсуа свел брови, глядя на меня, а я сделал вид, что не понимаю причину его внезапного смущения.

— Он с тобой не говорил? О тете Арабель? — спросил кузен.

Меньше всего на свете я хотел не то что говорить, но даже вспоминать о покойной тете Арабель. Моей силы воли не хватало, чтобы сдержать мурашки, которые выступали на моей коже от одного только воспоминания об этой женщине, с которой я имел несчастье быть в родственной связи.

Невольно обхватив себя поперек туловища, я глубоко вдохнул морской воздух, несущийся буйными ветрами со всех сторон. Это чуть помогло совладать с воспоминаниями об этой Арабель.

— Упокой Господь ее душу, — произнес я, перекрестившись, как полагается католику, и помотал головой, как будто бы не был в курсе ни о каких секретах своего кузена.

Франсуа поджал губы, явно не желая продолжать этот разговор без моего отца.

А меж тем на корабле началась суета, лучше всего предвещающая скорое прибытие в порт. Матросы шныряли из стороны в сторону, грязно ругаясь, каждый по-своему, но понимая товарища по команде.

Франсуа, будучи крепким юношей с пылким сердцем, исполнился вполне себе своевременным, но неприличным порывом для своего положения. А именно — он уже вознамерился помочь матросам, которые тянули на себя тугие скрипучие тросы, но я пресек этот порыв, положив руку на плечо кузену.

— Не стоит им мешать, братец, — произнес я.

— Мешать? — усмехнулся кузен, хотя смирился с моей правотой, пусть и не целиком ее признавая.

— Этьен прав, — кивнул отец. — Не стоит утруждать себя. Побереги силы, у нас будет много дел в городе.

Франсуа вздохнул, встряхнул плечами и продолжал смотреть за потугами матросов.

Вскоре корабль уже причалил. Не успели мы сойти, как пряный запах, разносимый резвыми ветрами, забил мне нос и волшебным дурманом ударил мне в голову.

Усталость, настигшая меня намного меньше, нежели моих спутников, в миг отступила, когда я сошел на сушу и огляделся по сторонам.

Глаза разбегались от чарующей картины, разворачивающейся прямо передо мной. Солнце уже лениво тянулось к горизонту, и тени становились длиннее.

Плеск волн в вечернем солнце разливался певучим золотом, и этот звон смешивался с местным гулким наречием.

Нас встретили с десятком слуг из местных, чей внешний облик так сильно разнился от европейцев, что вверг меня в шок. Их темная кожа лоснилась в янтарных ласках вечернего солнца.

Алжирцы вели на привязи трех ослов. На животных быстро погрузили тяжелые баулы, туго схваченные широкими ремнями.

Своими невероятными тягучими голосами местные подгоняли ослов, которые попросту стали посреди оживленной набережной. Погонщики быстро совладали с длинными упряжками, и вскоре мы двинулись по пыльной дороге вверх.

Я глядел на местный народ, на их одеяния, что струились по длинным черным рукам, в которых они держали плетеные корзины или расписную глиняную посуду. В их ношах, что местные несли сами или водружали на ослов, все плескалось, звенело и глухо гремело.

Меня обуял ненасытный голод, неутолимая жажда ощущений, которые не проходили, а лишь усиливались по мере

того, как я заглядывался на каждый жест смуглых рук, что были длиннее, нежели у людей на родине. Стоило мне посмотреть в черные влажные глаза, ответом мне были равнодушные, вражда или взаимный интерес.

Моя зачарованность украдкой притупила всякую бдительность и сыграла со мной дурную шутку: я не заметил черного араба, который суматошно несясь прямо на меня. Едва ли он придумал хоть какое-то значение, задевая буквально каждого во всей этой единой пестрой толпе, но я едва не повалился с ног. Благо мой любезный кузен очень вовремя подоспел.

— Не отставай, Этьен! — раздался беспокойный окрик отца, чей голос сейчас тонул, бледнел и будто бы растерял любую силу в здешнем дрожащем от угасающего зноя воздухе.

— Не отстаю! — отозвался я, потирая плечо и стараясь держаться своих, что было для меня вовсе нетрудно.

Хоть сердце мое уже начало тревожно колотиться, никак не радуясь беготне сквозь толпу, сейчас выбора особо и не было. Собрав волю в кулак, я продолжил проходить это тяжелое восхождение, обильно обливаясь потом.

Мы пробирались по пыльному городу, полному чарующего дурмана и манящих южных напевов. Я прекрасно знал, что ни один из этих звучных окликов не обращается ко мне, и все же каждый раз мне слышалось, будто бы какой-то алжирец звал меня по имени.

Какому-то неведомому и бесконечно подлому демону удавалось обмануть мой уставший разум снова и снова. В висках гудело от тяжелой дороги и духоты, и мои ребра едва-едва шевелились, как будто придавленные тяжелой плитой.

Наконец мы пришли к белокаменному забору с большими воротами. Несмотря на недомогание, я отдал должное этим стенам, и в особенности четырем нишам с остроконечными арками. Внутри каждой рябили рисунки из причудливых орнаментов, выложенных мозаикой. Ворота со скрипом